

ЭДУАРДУ ВОЛОДАРСКОМУ тридцать четыре года. Четыре из них он пишет пьесы. Он профессиональный кинодраматург. Видимо, отсюда идут «монтажное» строение, четкая событийная насыщенность и отработанность «кусков» в его пьесах. В не лучших пьесах. Во всяком случае, в них это бросается в глаза. Может быть, потому, что именно в них эти качества, организуя материал, как бы самодовлеют, заслоняя все другое.

Тогда откуда глубинное постижение народной жизни, народного характера в лучших его пьесах?

У него было трудное начало. Он москвич. Но по стечению обстоятельств жил в деревне. Был грузчиком. Работал на заводе. Ходил геологом в Заполярье. Так складывалась судьба. Теперь он сидит за письменным столом, кажется, весь день. Жизнь, как и бумага, всегда сопротивлялась ему. А он сопротивлялся жизни. Возможно, это взаимное сопротивление высекало искру, которую иногда называют божьей.

За четыре года он написал четыре пьесы. «Долги наши» идут во МХАТе и по всей стране. «Самая счастливая» идет по стране и репетуруется в театре имени Вахтангова. «Звезды для лейтенанта» идут в театре имени Ермоловой в Москве и в театре имени Ленинского комсомола в Ленинграде. МХАТ начинает работу над «Уходя, обернись». Пожалуй, эта последняя — лучшая пьеса Володарского.

Протяженность во времени — одна из важных особенностей его произведений. Он не умеет или не хочет исследовать ситуацию, извлекающая из нее пусть сколь угодно соблазнительные парадоксы. Его влекут к себе пласты жизни. Он исследует характер и судьбу «массового», если мож-

ПО СТЕЧЕНИЮ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Заметки о драматургии Эдуарда Володарского

но так выразиться, человека. Его летчики, колхозники, рабочие, городские люди — типичны. Он рассматривает не исключительное, а типичное. Он реалист — в том смысле, в каком это всегда понималось в русской литературе. Он точно знает то, о чем пишет. Знает время, обстоятельства, знает и дух, и детали. Это начинается с ремарок, в которых ничего «вообще», ничего приблизительно, все конкретно и подробно. Вот описание места действия в «Уходя, обернись» — кухня в общей квартире 1947 года: «Газовая плита и несколько керосинок, кухонные столы, табуреты и стулья. На стенах на гвоздях висят стиральные доски, велосипед без одного колеса, старый футляр от скрипки, полочки с мыльницами, кисточками для бритья и прочими предметами туалета, ванная для купания ребенка. У одной двери висит на гвоздике солдатская шинель...». В самом перечислении предметов уже — время.

Так же точны и выразительны появления героев и их дальнейшее поведение. Вот как входит в пьесу Степан Егорыч, бывший фронтовик. «На стене кнопками укреплен огромная карта Европейской части Советского Союза. На ней красными стрелами, большими и маленькими, отмечен победоносный путь Советской Армии от Москвы до Берлина... Степан Егорыч подходит к карте, долго смотрит на нее.

СТЕПАН ЕГОРЫЧ. Не-ет, братцы вы мои, не туда наступать надо было! Левее надо было, в обход Познани! Эх, Жуков, Жуков, светлая голо-

ва, куда ж ты смотрел? (Решительно зачеркивает одну из стрел, чертит свою)».

На войне осталась лучшая часть жизни Степана Егорыча — осталась молодость. Он безответно — думает, что безответно, и оттого не признается в этом — любит соседку Любу. При всей кажущейся простоватости Степан Егорыч — внутренне деликатный и справедливый человек.

А Люба, Люба из тех женщин, что без громких слов и без жалоб выдружили на себе войну. На их беззаветном мужестве и терпении держался тыл войны — и стояли у станков с черными подкружками у глаз, и последние граммы хлеба отдавали детям: все для фронта, все для победы, все для того, чтобы выросли сыновья павших отцов.

Сколько нежности у Володарского к этим людям, нежности потаенной, глубоко спрятанной, которая угадывается, но никогда не рисуется и, к счастью, не декларируется. Внешне все обыденно, все шутливо, иногда и солоноватой, а то и резкое слово, и резкое движение — зато все живые, сильные, остро очерченные фигуры, не переходящие в разряд некоторых «положительных образов», которые так легко классифицировать, но так трудно вообразить существующими реально.

Володарский не боится обнажения, обострения ситуации, доведения конфликта до его пика — эта смелость роднит его с Шукшинцем.

Герои Володарского идут по жизни так же, как шел он сам: сопротивляясь ей и испытывая сопротивление. От-

того чаще всего они являются в пьесу на изломе своей судьбы. Оттого почти все они крупны и драматичны. Оттого все держат главное испытание — на сохранение нравственного содержания.

ПЬЕСА «УХОДЯ, ОБЕРНИСЬ» колыхается двумя разговорами — в начале и в конце — давно выросшего мальчишки Витьки Крохина со случайным восемнадцатилетним работягой. Витька превратился в преуспевающего тренера Виктора Семеновича, и «Жигули» у него, и денег много, и «все путем», но что томит его душу, а что, понять не может. И сидит он в старой кухне, в доме, предназначенном на слом, — и хорошо ему. А рабочий, молодой паренек, который и будет ломать эту халуду, — тоже про «Жигули», про то, сколько денег накопил, про выгодную и невыгодную работенку.

В пьесе много говорят о деньгах. Хватает их или нет. Счастье в них или в чем другом. Пожалуй, Володарский вслед за Миллером мог бы назвать свою пьесу — «Цена». Цена, которую человек платит за все. Цена самой человеческой личности. Цена жизни. Он назвал ее — «Уходя, обернись». Обернись к тем людям, с которыми жил под одной крышей в тяжкие, трудные времена, к своим корням, к самому себе, каким ты выходил из детства. Сверх свою сегодняшнюю жизнь со всем, что ты ценил, с прошлым твоим, твоих близких, твоего народа.

По моему убеждению, «Уходя, обернись» сложилась

как социально-историческая пьеса. Частные, личные истории «простых» людей, которые Володарский всегда умел писать, но которые до сих пор так и оставались частными, здесь сопряглись с историей народа, историей страны. События, происходящие с жильцами одной коммунальной квартиры, легли на канву того, что происходило со всеми. И все приобрело значительное, глубокое звучание. Мужественный реализм этой вещи сделал излишними эффектные коллизии, которые были свойственны автору поначалу.

В первой пьесе Володарского «Долги наци» можно было усмотреть такое, достаточно примитивное, толкование. Болтался человек, Иван Крутов, по жизни, оторвался от деревни, от корней — за это ему и наказание, за это и крах его как личности. Это и усматривали, во всяком случае, люди недалезоркие. А это было всего лишь недостатком сюжета, выбранного по случаю и не слишком свежего (с сюжетами наш автор иногда обращается небрежно). Но уже и тогда можно было предположить, что не в возвращении из города в деревню тут суть, а когда появились новые пьесы, это и вовсе стало прозрачно. Суть — в осознании вины за облегченную, эгоистическую жизнь, в осознании нравственного чувства «долгов наших». Его герои либо поступают по этому чувству, либо мучаются оттого, что жили не по нему, против него. Это осело, на котором проверяется их человеческая ценность.

В «Уходя, обернись» был такой разговор между матерью и сыном о младшем брате, о том самом Витьке:

«**ЛЮБА.** Зря ты так на него, Боря. Он сам всего добивается, помощи ни у кого не просил, ни к кому не подлизывался, только сам...»

БОРИС. Сам для себя...

ЛЮБА. Ну, в наш-то век мало кто на других силы кладет.

БОРИС. Ты-то вот положила... Бабка положила... батя наш...»

Семена Крохина, Любиного мужа, а Бабушкина сына, убили на войне. «Мужика бы ей надо», — вздыхает Бабушка, видя, как надравается Люба на работе и по дому. Но как только «мужик» появляется, гонит его. А потом сама же деловито объявляет: «Слезьми тут не поможешь. Нам теперь свадьбу сыграть надо». И снова, в последний момент, не утерпела: «Где же твоя женская гордость?» Все точно по психологии, ярко выразительно по драматургии — хоть смейся, хоть плачь. И больно за сына, и мудра, и о жизни все понимает, и все-таки не совладала с собой. Юмор и горечь — это соединение, всегда вызывающее цемпящую ответную реакцию, характерно для Володарского.

Ради других или ради себя — вот в чем вопрос. Главный вопрос Володарского.

Какой-нибудь там необыкновенной любви, которая преворачивает жизнь, нет в его пьесах. Он знает, что жизнь перевернуть трудно. То есть, конечно, все случается, и любовь тоже, и отчаянная любовь, по жизни-то от этого не меняется. Она течет по своим законам, и в ней надо делать дело и исполнять свой долг перед другими людьми и перед самим собой. Николая, «лучшего в мире монтажника-

высотника», как он о себе говорит, забубенную головушку и весельчака, настгает любовь к Маше («Самая счастливая»). А он женат, и у него двое детей. Ничего не произойдет: он не бросит детей и не женится на Маше. Володарский не строит иллюзий, не рассказывает сладких сказок, освобождая человека от реальных обстоятельств. Он пишет, как бывает, как есть. В его пьесах не происходит чудес. И от этого печально. как бывает печально от всякой неизбежности. Но любовь, которая возникает у Маши и Николая, как и любовь, случившаяся у Любы и Степана Егорыча, почти и невысказанная даже, освещает их натуры, проживаемую ими внутреннюю жизнь таким неизбежно прекрасным светом, что при всем реализме, при всей суровости, даже жесткости письма Володарского хочется произнести пушкинское: «Печаль моя светла...» Это, внутреннее, остается с людьми, выпрямляет их человеческое достоинство, составляет их человеческое — не обывательское — богатство. И в этом оптимизм грустных и трудных пьес Володарского.

«Самая счастливая» кончается тем, что у Маши, в ее новой семье, будет ребенок. Володарский часто вводит в свои пьесы детей. Наверное, он мог бы обойтись без них по сюжету. Но дети — это продолжение жизни, это — не биологическое, нравственное! — объяснение и оправдание ее. Это высшая правда и справедливость. Это та нота, которая делает определяющей гуманистическую тенденцию творчества драматурга.

Володарский весь замешан на традициях русской и советской литературы. О его пьесах ходишь и думаешь, и не можешь перестать думать.

О. КУЧКИНА.